

НАДТОЧЕНКО БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ

BORIS J. NADTOCHENKO

Надточенко Борис Яковлевич Востоковед: китаевед, японист. Старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Место: г. Москва, ИДВ Дата: 2012, 2020 Интервьюер: Ж. Мясникова, В.Ц. Головачёв Комментарии: В.Ц. Головачёв Время: 3 часа	Boris J. Nadtochenko Sinologist, Japanologist. Sr. Research fellow (IFES, AS) Place: Moscow Date: 2012, 2020 Hosted by: Jeanna Myasnikova, Valentin Ts. Golovachev Comments: Valentin Ts. Golovachev Duration: 3 hours
--	---

Надточенко Борис Яковлевич (1939 г.р., г. Житомир). Востоковед, китаевед, японист. Переводчик, преподаватель. Окончил Институт Восточных языков при МГУ (1964). Стажировался в Пекине (1962–1963). Преподаватель ВИИЯ (1968–1974), РУДН (2002–2010). Старший научный сотрудник/переводчик Центра научной информации и документации ИДВ РАН (с 1995). Автор-составитель ряда словарей, в том числе: Кленин И.Д., Надточенко Б.Я. Словарь русско-китайский военный и технический. М.: «Муравей», 2001. 656 с.; Араушкин Н.С., Надточенко Б.Я. Карманный китайско-русский словарь. М.: «Русский язык». 1975. 208 с. (ок. 8500 слов) и др.

ЖМ: Здравствуйте, Борис Яковлевич!

БН: Здравствуйте!

ЖМ: Для начала, пожалуйста, представьте себя так, как считаете нужным для формата нашего проекта!

БН: Востоковед широкого профиля.

ЖМ: Когда вы родились и откуда вы родом? Имела ли ваша семья какое-то отношение к Востоку?

БН: Моя семья была очень далека от Востока. Среднюю школу закончил в Киеве. Примерно в 7–8 классе я почему-то начал интересоваться Китаем.

ЖМ: Значит, точную причину появления этого интереса вы не можете назвать?

БН: Да, это сложно объяснить. Может быть, мне не нравилась действительность, в которой я жил, и я искал нечто другое. В то время Китай ничем примечательным не обладал. Нам в СССР не были известны кунфу, ушу, фэншуй. Китай представлялся как далёкая, бедная, отсталая, несчастная страна. Это были 1950-е годы.

ЖМ: Время дружбы Китая и СССР.

БН: Да! Новый Китай только зародился, но информация была достаточной. Были очень красивые иллюстрированные журналы «Китай». В них Китай выглядел достаточно прилично.

ЖМ: Может, ваш интерес был связан с тем, что кто-то что-то показал или рассказал вам о Китае?

БН: Нет, всё получилось спонтанно. Где-то в классе 7-8 я купил учебник китайского языка и, можно сказать, самостоятельно выучил китайский язык. Познакомился с китайскими студентами, ходил на китайские тусовки. Очень любил смотреть китайские фильмы. К окончанию школы я, можно сказать, знал китайский язык совсем неплохо.

ЖМ: А откуда взялись в Киеве китайские студенты и китайские тусовки?

БН: Китайские студенты там учились, а познакомились мы на улице. Это были студенты строительного института.

ЖМ: То есть вы подходили со словами: «Здравствуйте, вы – китайцы?» (*Ни хао, ни ши чжунгожэнь ма?*)

БН: Да, примерно так, я втёрся к ним в доверие, участвовал во встречах «чунь цзе» (Праздника Весны), в просмотрах китайских фильмов.

ЖМ: А фильмы показывали специально для них на китайском языке?

БН: Да, специально для них. Ещё один интересный случай. У меня были родственники в Свердловске (ныне – Екатеринбурге), которые увидели там

по телевизору выступление китайских студентов. Студенты рассказали, что совершили поездку по стране и были очень удивлены тем, что встретили на пляже в Киеве местного мальчика, который прекрасно говорил на китайском языке. Этим мальчиком был я! Их вообще это удивило, ведь в то время китаисты на улице не встречались, да и по-китайски мало кто говорил.

ЖМ: Вы сразу нашли применение китайскому языку, помимо простого общения? Профессиональное, например? Удалось ли заработать?

БН: Немного удалось. Где-то в обсерватории был какой-то каталог, который я перевёл и заработал немного денег. Наверное, это был мой первый заработок. И это было ещё до окончания средней школы. В университете в Киеве был кружок китайского языка. Туда ходили ещё две девушки, которые затем вышли замуж за китайцев. Но неудачно, они как раз попали на «культурную революцию».

ЖМ: А вы знаете, как потом сложилась их судьба?

БН: Знаю, что плохо, но подробностей не знаю. Помню, бы ещё один интересный случай! Учась в школе, я как-то приехал на каникулы в Москву. В ресторане «Пекин» купил за три рубля бутылку китайской водки «Фэнцзю». Привёз домой, угостил родителей. Они попробовали и сказали: «В стране, где такая плохая водка, ничего хорошего быть не может! И ты это дело бросай!»

ЖМ: Но вы это дело всё же не бросили?

БН: Я не бросил.

ЖМ: А водку попробовали?

БН: Да, и она мне понравилась! С тех пор я люблю китайскую водку!

ЖМ: Китайцы, с которыми вы общались ещё в школьные годы, наверняка рассказывали вам что-то о Китае. Какие это были рассказы? Идеологически выдержанные?

БН: Абсолютно! Они были хорошо подготовлены и при любом случае довольно открыто пропагандировали идеи КПК. Однако без бытовой лексики обойтись было невозможно. Потом пришло время, я закончил школу. Мне

попался журнал, где были публикации об иностранных студентах в Китае. Тогда я написал письмо в Китай, откуда мне ответили, что сначала надо поступить в МГИМО (Институт международных отношений), а потом уже...

ЖМ: То есть дорога в Китай лежала только через МГИМО?

БН: Не знаю, но я приехал в Москву, поступать в МГИМО, абсолютно неподготовленный, то есть не имел должных рекомендаций. Пришлось вернуться в Киев! Ещё года два куда-то поступал, работал в разных местах. Затем узнал про открытие отделения китайского языка в Ташкенте и поехал туда. Поступил! Чудом!

ЖМ: А что вы делали на отделении китайского языка, уже хорошо владея им?

БН: Это была кафедра уйгуро-китайской филологии. Основным предметом был уйгурский, причём изучали три вида письменности: арабскую, латинскую и кириллицу (кириллицу – для языка советских уйгуров, а в Китае тогда народы мусульманской культуры переходили с арабской письменности на латинскую). Я делал вид, что учу китайский язык. Меня сначала приняли на второй курс, потом, по некоторым соображениям, отправили на первый. В общем, я проучился в Ташкенте два с половиной года. Затем правительство Узбекистана, по программе подготовки национальных кадров для университетов, направило некоторое количество студентов в МГУ, в том числе двух человек по восточным языкам.

ЖМ: Речь шла о кадрах для московских университетов?

БН: Нет, для ташкентского университета. Я с китайским языком, и другая девушка – с арабским, уехали учиться в Москву, в Институт восточных языков (ИВЯ, в настоящее время Институт стран Азии и Африки при МГУ)¹.

ЖМ: А стажировка в Китай из Ташкентского университета вам никак не грозила?

БН: Какая стажировка? По окончании я должен был вернуться в Ташкент как «национальный кадр». Я состоял на учёте в представительстве Узбекистана,

¹ *Институт стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ)*. Создан 24.06.1956 на базе вост. отделений ист. и филол. фак-тов Ин-та вост. языков (ИВЯ). В 1972 г. переименован в Ин-т стран Азии и Африки при МГУ. См.: <http://www.iaas.msu.ru/isaa-mgu/istoriceskij-ocerk>

даже получал небольшую дотацию. Ходил на Красную площадь в национальном узбекском костюме. А потом я съездил и на стажировку в Китай.

ЖМ: Вас отправляли туда от Ташкентского университета?

БН: Нет, от Института восточных языков МГУ. Там я встретил своих друзей – однокурсников из Ташкента. Их в это же время послали в Китай.

ЖМ: Какой это был год?

БН: То был 1963–1964 учебный год.

ЖМ: Совсем незадолго до «культурной революции»... Как встретил вас Китай?

БН: На границе всё было хорошо, китайцы встретили нас на высшем уровне! На одной из станций поезд стоял 20 минут. Я решил выйти на станцию, посмотреть. Это был ужас, который было трудно себе представить. Грязь, нищета...

ЖМ: А до этого момента у вас уже сформировался какой-то образ Китая?

БН: Да, по журналам, пейзажам...

ЖМ: Насколько велико было расхождение с реальностью?

БН: Очень велико!

ЖМ: Что же вы ожидали увидеть?

БН: Ничего не ожидал от провинциальной станции. Там валялись грязные люди. И везде – грязь и ужас. Ко мне подошли представители власти в форме, спросили, откуда я тут взялся. Я сказал, что с поезда. «Ну, вот и пошли на поезд!» – сказали они. В Пекине, в университете оказалось всё не так плохо...

ЖМ: По мере приближения к Пекину пейзаж менялся?

БН: Менялся, хотя пейзаж северного Китая не очень привлекательный.

ЖМ: Вы стажировались в Пекинском университете?

БН: Да.

ЖМ: Вы жили с иностранными студентами или с китайцами?

БН: Китайцев в нашем общежитии не было, и их так просто туда не пускали.

ЖМ: Объясню, откуда вопрос. Когда наш коллега *А.Н. Желоховцев*² приехал на стажировку в Китай накануне «культурной революции», его поселили вместе с приставленным к нему китайским ассистентом.

БН: Нет, мы жили без китайцев, хотя у нас у всех были друзья-консультанты, которые приходили к нам в гости и говорили, что будут нашими помощниками.

ЖМ: С кем же вы жили в общежитии?

БН: Я жил вместе с *Р.М. Аслановым*³. Впоследствии он стал заместителем директора ИДВ РАН. В те годы он уже был преподавателем в Ташкентском университете, а я ещё не был, так как здесь, в Москве, учились шесть лет, а там, в Ташкенте – пять лет. И в Ташкенте он был на курс старше меня. Китайцев к нам просто не пускали, кроме приставленных. Но мы своего друга однажды обидели. Пригласили пить чай. Он спросил, советский ли это чай, на что мы ответили – да, советский. В то время Китай воевал с Индией. Мы достали пачку чая, но он посмотрел и сказал: «Какой же это советский чай? Это же индийский!» Мы ему сказали, что для нас индийский чай – это как советский чай. Он сильно обиделся и ушёл, и потом долго к нам не приходил.

ЖМ: А как же работа?

БН: Не знаю, как-то отчитывался...

ЖМ: Сколько вы пробыли в Китае? Год?

БН: Нет, полгода.

ЖМ: Чем вы занимались все эти полгода?

БН: Занимались мы специально китайским языком. А ещё я ходил на занятия по бирманскому. Это ещё один факт в пользу того, что я не китаист. Кроме

² *Желоховцев Алексей Николаевич* (1933–2017). Китаевед, литературовед, к.ф.н. (1965). Окончил МГИМО МИД СССР (1958). Сотр-к ИВ АН СССР (1958–1969), ИДВ АН СССР (с 1969). Иссл. лит-ру и новейшую ист. Китая. Автор известной книги «“Культурная революция” с близкого расстояния» (М., 1973).

³ *Асланов Рустам Мамедович* (1937–2009). Китаевед, к.и.н. (1972). Окончил ТашГУ (1962). Преподаватель ТашГУ, сотр-к Гостелерадио Узбекистана. Стажёр Пекин. унт-та (1962–1963, 1988–1989) и Наньянского ун-та в Сингапуре (1968–1969). Сотрудник (с 1976), зам. дир. ИДВ РАН, зав. Центра ист. и полит. иссл. Китая. Специалист по ист. КПК.

того, одновременно с китайским я начал изучать японский. После приезда в Москву из Ташкента я был принят на 3-й курс китайского отделения, и сложилось всё так, что я параллельно мог посещать занятия по японскому языку. В МГУ я прошёл таким образом два курса японского языка. Правда, у меня нет никаких документов об этом. На четвертом курсе ИВЯ (ИСАА) нам также давали второй восточный язык, и я выбрал бирманский.

ЖМ: Второй язык давался по разнарядке? Вы могли выбирать?

БН: Да, можно было выбирать из нескольких языков Юго-Восточной Азии.

ЖМ: И вы сознательно выбрали бирманский язык?

БН: Да.

ЖМ: Чем же был обусловлен такой выбор?

БН: Во-первых, я интересовался бирманским ещё когда жил в Киеве. Во-вторых, красивая письменность. И, в-третьих, необыкновенная фонетика...

ЖМ: Вы – эстет?

БН: Да! Но, не успев вкусить его, я уехал в Китай.

ЖМ: Как вам удалось ходить на бирманский язык в Китае?

БН: Это стоило мне величайших трудов! Я был старостой нашей группы, подружился с ответственным за работу с иностранными студентами, который выдавал нам китайскую часть стипендии (100 юаней платило посольство СССР, и 100 – китайская сторона). У него на столе почти всегда лежала секретная газета «Цанькао сяоси» («Справочная информация»). Я несколько раз спрашивал, что это такое, а он прятал, но потом всё-таки разрешил взять и почитать. Через него я и убедил администрацию, чтобы меня пустили заниматься бирманским языком.

ЖМ: Заниматься вместе с китайцами?

БН: Китайцев там почти не было.

ЖМ: А кто тогда там был? Кто в Китае учил бирманский язык в 1960-е годы?

БН: Была группа из восьми человек, шесть из которых – из Северной Кореи.

ЖМ: А остальные два?

БН: Ещё два китайца и я.

ЖМ: А кто вам преподавал?

БН: Преподавали китайцы. Был один ещё студент из Бирмы, жил у нас в общежитии.

ЖМ: Вы с ним подружились?

БН: Да, подружились. Потом я вернулся в Москву. По окончании учёбы меня вызвали в ректорат и сказали, что Ташкент от меня отказывается, так как китайское отделение закрылось. Единственная возможность распределиться – это вооружённые силы. Я согласился не глядя. Получил диплом, наступило лето – вооружённые силы «молчат»! Молчат месяц, молчат другой. Я кое-как их разыскал, сказал, что я к ним распределился. Они сказали: «Хорошо, мы подумаем». Думали-думали, было много разных вариантов. В результате меня отпустили, как говорят, на все четыре стороны.

ЖМ: Вы закончили Институт восточных языков в 1964 году?

БН: Да. В Ташкенте я, слава Богу, как «национальный кадр» не понадобился. В вооружённых силах – тоже. В итоге я стал свободным человеком. Ходил в Министерство образования, где сказали, что могут отправить меня в деревню преподавать английский язык.

ЖМ: То есть в ИВЯ вы параллельно учили и английский язык?

БН: Да, английский был обязательным, но по английскому я не попадал на свой курс. К счастью, у нас была группа из иностранцев (монголов и албанцев), и я изучал английский с ними. Учились мы кое-как, в результате английский мой оставлял желать лучшего. В общем, от преподавания английского я отказался и стал искать дальше. Искал, искал... Настало 1 сентября, я вернулся на кафедру в ИВЯ, и меня взяли обратно стажёром, со студенческой стипендией и предоставлением общежития. Дали год, чтобы я мог найти работу...

ЖМ: Куда и как распределились ваши одноклассники?

БН: Группа у нас была маленькая, из них двое иностранцев – студентка из ГДР *Элеонора Билль (Шмидт)*⁴ стала послом ГДР на Мадагаскаре, затем вышла замуж за генерала Бундесвера. *Искра Думкова*⁵ стала одним из ведущих китаистов Болгарии. *Наталья Занегина*⁶, дочь *Бориса Николаевича Занегина*⁷, нашла себя в науке. *Лариса Померанцева*⁸ осталась на кафедре, защитила докторскую диссертацию. Кстати, во время поисков работы я почти устроился в аэропорт Шереметьево, на место диспетчера международных перелётов. Начальник милиции уже «занёс» штамп над паспортом, потом спрашивает: «А вы из университета не выписались?» ... «Нет!» ... «Вот выпишетесь – тогда приходите!» Я пошёл выписываться и встретил свою сокурсницу – Наталью Занегину. Она сказала мне, что образовался Институт Дальнего Востока, и туда берут всех китаистов. Я обратился в ИДВ. Общался по телефону, так как в то время этот институт был секретным и лично туда даже не пускали. Спустя месяц они извинились и сказали, мол, извините, мы ничего не можем, нет прописки у вас!

ЖМ: То есть профессионально вы подходили, но не были москвичом.

БН: Да, всё хорошо, но не было прописки. Как-то, уже перед Новым годом, вдруг объявилась хорошая вакансия: ехать в Пекин, где находилась Штаб-

⁴ *Элеонора (Билль) Шмидт (Eleonora Schmid, 1939 г.р.)*. Синолог, филолог, дипломат. Училась в Берлин. ун-те им. Гумбольдта (1958–1959). Окончила ИВЯ МГУ (1964). Сотр. МИД ГДР (с 1964), одна из 4-х женщин в ранге посла в ист. ГДР. Служила послом в Гвинее и Сьерра-Леоне (1974–1978), Гвинее-Бисау (1974–1975), Гамбии (1975–1978), Марокко и Сенегале (1980–1987), Мадагаскаре (1989–1990). Препоод. кит. яз. в техн. ун-те Ильменау (2002–2012).

⁵ *Думкова Искра Богдановна*. Болгарский синолог, к.ф.н (1972, ИВЯ МГУ), доцент. Преподаватель, Генсек Общества болгаро-китайской дружбы.

⁶ *Занегина Наталья Борисовна (1941 г.р.)*. Китаевед, к.и.н. (1976). Окончила ИВЯ при МГУ (1964). Редактор ГРВЛ «наука» (1964–1967). Сотр-к ИВ АН СССР (1970–1980). Стажёр Народн. ун-та в Пекине (1961–1963). Иссл. госуд.-полит. устр. Китая и ист. Гоминьдана.

⁷ *Занегин Борис Николаевич (1912–2000)*. Сов. и рос. американист и востоковед, д.и.н. (1986). Окончил воен. фак-т МИВ (1942) и МГИМО МИД СССР (1955). Сотр-к Ин-та США и Канады АН СССР/РАН (1972–2000). Спец. по внешнеполит. стратегии США, амер.-кит. отнош. и общим проблемам междун. отн. и геополитики.

⁸ *Померанцева Лариса Евгеньевна (1938–2018)*. Китаевед, к.филол.н. (1972), доцент (1988). Окончила ИВЯ при МГУ (1964). Стажёр Пекин. ун-та (1962–1963). Преподаватель ИВЯ/ИСАА при МГУ (с 1965). Иссл. Древнекит. памятника «Хуайнаньцзы», ист. лит-ры древн. и средневек. Китая.

квартира Организации Соцстран по освоению ресурсов Тихого Океана. В неё входили СССР, Китай, Корея и Вьетнам.

ЖМ: То есть вам предложили постоянную работу?

БН: Да. Но, пока суть да дело, надо в Москве легализоваться. И направили меня «для натурализации» на работу в Институт прудового рыбоводства (ВНИИПРХ).

ЖМ: В своё время, когда я узнала, что вы там работали, у меня возник вопрос – что же вы там делали и как там оказались?

БН: Это Дмитровский район, в глухом лесу в 15 км от г. Дмитрова. Регулярного транспортного сообщения с Москвой тогда не было...

ЖМ: Значит, вы пришли туда, чтобы «пересидеть» и легализоваться в Москве?

БН: Да, чтобы получить прописку, немного овладеть темой, а затем ехать в Пекин. Это была очень холодная зима 1965 года. Мы с женой взяли свои пожитки и пошли. Там надо было идти два километра по глубокому снегу. Дали нам сначала общежитие, потом через некоторое время и квартиру. В общем, устроился я там в ожидании.

ЖМ: И сколько продлилось это ожидание?

БН: Полгода. Всё это время я занимался ихтиологией и прочими проблемами, как то: мы (группа молодых учёных) регулярно ездили в Москву, в Тимирязевскую Академию для подготовки к сдаче кандидатского минимума по философии и английскому с биологическим уклоном. Но через полгода Китай эту международную организацию ликвидировал и я, можно сказать, «завис» в прудовом рыбоводстве. Где-то год я там сидел спокойно, потом начал выезжать в Москву. Затем вспомнил свои связи с Министерством культуры и стал время от времени заниматься переводами, а также работал с японскими коллективами.

ЖМ: С японскими?!

БН: Да, представьте себе – с японскими коллективами, артистами.

ЖМ: То есть, помимо ихтиологии, вы занялись переводческой деятельностью?

БН: Да. В общем, в рыбоводстве я проработал четыре с лишним года, дослужился до и.о. зав. лабораторией передового опыта и стал автором эмблемы института!

ЖМ: А работа с японскими коллективами проходила параллельно?

БН: Да. Меня очень легко отпускали, ведь когда они выступали в Москве, я всех желающих из института приводил на концерт. Давали специальный автобус из Дмитрова в Москву!

ЖМ: Во время «культурной революции» вы больше работали с японскими гостями? Или как-то удавалось находить работу с китайским языком?

БН: В 1965 году изредка удавалось найти материалы по китайскому рыбоводству. А так – ничего! А потом, когда отношения с Китаем окончательно испортились, меня нашёл бывший начальник военной кафедры ИВЯ – *Иван Дмитриевич Кленин*⁹, который в своё время был руководителем моей дипломной работы. Он меня разыскал в дмитровских лесах и позвал преподавать в *Военный Институт Иностранных языков*¹⁰.

ЖМ: Какой была тема вашей дипломной работы?

БН: Дипломная работа была об иностранных заимствованиях в китайском языке. Это была одна из его любимых тем. Он меня разыскал и привлёк в военный институт. Полгода я снимал квартиру, потом «надел погоны», и мне дали квартиру. В общем, три года я трудился по 36 часов в неделю. Ещё писал учебники.

ЖМ: В чём заключалась эта работа, помимо написания учебников? Надо было переводить какие-то материалы? Или что-то ещё?

БН: Исключительно преподавательская работа. Интересно, что в то время на английском отделении в ВИИЯ было три группы генеральских детей. Их

⁹ *Кленин Иван Дмитриевич* (1923 г.р.). Китаевед, к.ф.н. профессор каф. Дальневост. яз. Воен. ун-та МО РФ. Спец. по кит. яз., лит., ист., культуре Китая. Участник Великой Отечественной войны.

¹⁰ *Военный институт иностранных языков* (ВИИЯ). Образован в 1942 г. на базе Военного фак-та зап. языков при 1-м и 2-м Мос. гос. пед. ин-тах иностр. языков (МГПИИЯ), Военного фак-та вост. языков при МИВ и военных курсов иностр. языков из г. Орска. В 1974 г. преобразован в Военный ин-т Мин-ва обороны РФ.

всех «перевернули» на китайский. И называли их «перевёртышами». Они были очень недовольны, но все оказались очень талантливыми ребятами!

ЖМ: Кого из них вы могли бы назвать?

БН: *Алексей Николаевич Алексахин*¹¹ (в своё время он заведовал кафедрой китайского языка в МГИМО). Он вообще гениальный человек, составил письменность для некоторых нацменьшинств Вьетнама! В общем, помешанный на фонетике. Многие другие из этой группы людей теперь занимаются коммерцией...

ЖМ: Значит, многие из них нашли себя с китайским языком.

БН: И с китайским, и без китайского. У них у всех была хорошая школьная подготовка. Все они были люди довольно развитые.

ЖМ: Что можно сказать о методике преподавания в те годы, когда вы преподавали в ВИИЯ? Сколько времени уделялось китайскому языку, как было поставлено преподавание?

БН: Тогда основным преподавателем – носителем языка – был *Лин Шайло*¹² (этнический дунган), непререкаемый авторитет. Мне казалось, что всё нормально, но надо было составлять свои собственные учебные пособия. Как-то раз, примерно в 2010 году, на юбилее у Кленина выступает мой студент и говорит следующие слова: «Преподавание у нас было очень странным. Лин Шайло давал нам несколько фраз, мы их запоминали. И так мы изучали китайский язык. Потом появился некто *Яновский Николай Михайлович*¹³, человек весьма современный, наполовину китаец. Он читал

¹¹ *Алексахин Алексей Николаевич* (1947 г.р.). Китаевед, д.ф.н. (1991), профессор (1995). Окончил ВИИЯ (1970). Преподаватель ВИИЯ (1970–1997), МГИМО(У) (2004–2011), зав. каф. кит., вьет., лаос. и тайс. яз. (2011–2019). Сotr. пос-ва СССР в КНР (1970–1971), ИЯ РАН (1994–1996), Торгпредства РФ в КНР (1998–2002). Стажёр в Наньянского ун-та (Сингапур, 1975), Фуданьского ун-та (Шанхай, 1987), Шаньдунского ун-та (Цзинань, 1987), Ин-та языкозн. Вьетнама (1991). Иссл. кит. диалекты, в т.ч. диалект «хакка».

¹² *Лин Шайло Люшира* (? – 1970?). Этнический дунган. В молодости эмигрировал из Китая в Ташкент. Китаевед. Учился в Москве, преподавал кит. яз. в ВИИЯ, МГИМО. Один из авторов ряда учеб. пос., в т.ч.: Учебник китайского языка, *Лин Шай-ло, Джан Мин Шен, Молодой К.Т.*, 1955. 446 с.

¹³ *Яновский Николай Михайлович*. Китаевед, преподаватель. В соавторстве с Б.Г. Мудровым издал серию китайско-русских карманных словарей.

газеты, давал какие-то газетные штампы, заставлял их запоминать». Но системное преподавание началось с тех пор, как я написал свои пособия.

ЖМ: То есть вы успели написать пособия и начали применять их для обучения студентов ВИИЯ?

БН: Да. Написал пособие по разговорной практике и по общему переводу для студентов 3-го курса.

ЖМ: А сколько вообще времени уделялось китайскому языку?

БН: Много. Ежедневно по 2–4 часа, шесть раз в неделю на протяжении всего обучения. Так что языковая подготовка там была очень хорошая. После такой работы меня стали готовить к тому, чтобы я со временем возглавил кафедру. Но для начала – в адъюнктуру (это как аспирантура, только в военном ВУЗе). Тут мне придётся сделать лирическое отступление! Когда я работал в Институте прудового рыбоводства, в МГУ преподавали бирманский язык. А преподавал его человек с психическим расстройством, который терпеть не мог Мьянму и бирманский язык. Когда наступали экзамены, завкафедрой *Юрий Николаевич Мазур*¹⁴ вызывал меня из Дмитрова и предоставлял на две недели общежитие МГУ. Я доводил группу до экзаменов и принимал экзамены. Затем он порекомендовал мне поступать в аспирантуру по бирманскому языку. И я поступил, сдал все «минимумы», даже проучился два года. Но случилось следующее. Один работник ЦК, тоже бывший китаист и бирманист, женился на ленинградке, а она преподавала бирманский язык. Он привёз её в Москву, она заполнила пустоту, и моя аспирантура потеряла всякий смысл. То была моя первая аспирантура! А уже вторая аспирантура называлась адъюнктурой. Нашли мне руководителя, здесь, в Институте Дальнего Востока. Им был *Софронова М.В.*¹⁵ С

¹⁴ *Мазур Юрий Николаевич* (1924–1998). Род. на ст. Бухэду (Сев.Вост. Китай). Востоковед, к.ф.н. (1953), доцент (1963). Окончил МИВ (1950). Преподаватель МИВ (1949–1954), ВДШ МИД СССР (1951–1952), 1-го МГПИИЯ (1954–1956), ИСАА при МГУ (с 1956). Спец. по кор. и индонез. филол. Участник Великой Отечественной войны.

¹⁵ *Софронов Михаил Викторович* (1929 г.р.). Востоковед, языковед, д.ф.н. (1970), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Сотр. ИВ АН СССР (1957–1970), ИДВ АН СССР (с 1970). Преподаватель МГУ (с 1970). Спец. по дешифровке и реконстр. тангут. яз. («Грамматика тангутского языка», кн. 1-2, 1968).

руководителем мы встречались два раза, я ему привозил гонорар за руководство диссертацией. Что было хорошего в адъюнктуре – я мог редко ходить на службу, но в тоже время свободно заниматься научной работой. Я чуть было не начал заниматься, но снова встретил Наташу Занегину, которая сказала, что сейчас есть возможность стажировки в Сингапуре, масса мест, некого брать. Я пошёл в Министерство высшего образования, где мне сказали, что нужно прислать из моего института письмо о том, что они хотят направить меня в Сингапур. Я прихожу в институт, наше руководство говорит, что надо диссертацию писать, а не заниматься всякими путешествиями. Я обиделся и пустился «во все тяжкие». Пошёл в Министерство культуры, стал тайно работать на конкурсах. Однажды, когда я был с очень важной делегацией, меня «заметили» в правительственной ложе во Дворце съездов. Руководство ВИИЯ «приняло меры» со всеми вытекающими последствиями.

ЖМ: То есть вы нарушили военную дисциплину?

БН: Да, я нарушил самое страшное – приказ №001 «О запрете контактов с иностранцами»! За это могли и расстрелять. Но меня не расстреляли, а отпустили. И снова я стал свободен как птичка.

ЖМ: То есть Сингапур так и пролетел мимо вас?

БН: Да, пролетел мимо.

ВГ: В каком звании вас «отпустили» с военной службы?

БН: В звании старшего лейтенанта. За пять лет службы все награждения и повышения в звании проходили мимо меня. На сегодняшний день я имею единственную награду – Медаль «30 лет Тяньцзиньской Академии Общественных наук».

ЖМ: Возвращаясь к учебникам и системному преподаванию. Вы написали учебники только для ВИИЯ, они были опубликованы только там?

БН: Да, они были только для внутреннего пользования. Тираж был ограничен.

ЖМ: Но они были «заточены» под преподавание специфических тем?

БН: Нет, военный перевод там был отдельно, а в основном это была исключительно бытовая и политическая лексика. То есть её можно было использовать где угодно.

ЖМ: А с аспирантурой-адъюнктурой в итоге что-нибудь вышло?

БН: С аспирантурой в итоге ничего не вышло. Серьёзно я ей и не занимался. Меня оттуда исключили и уволили из армии. С такой нехорошей характеристикой я снова вышел в «гражданский» мир. На постоянную работу в «Интурист» меня не приняли, но зато я участвовал в приёме экзамена на надбавки за знание китайского языка.

ЖМ: А почему вы не остались в «Интуристе»?

БН: Я нашёл работу получше – во Всесоюзном Центре Переводов научно-технической литературы (ВЦП). Там был хороший режим работы – раз-два в неделю приходиться, раздать переводы, принять обратно, проверить и т.д. В общем, было хорошо. Я занимался биологией, сельским хозяйством, в основном, на японском языке. Раз в год приходили какие-то работы на китайском языке. Всё свободное время я посвящал министерству культуры, но уже совершенно легально.

ЖМ: Наверное, тогда это была самая интересная часть вашей работы, ведь вы могли общаться и с китайцами, и с японцами?

БН: Китайцев тогда ещё не было, только японцы. В Центре Переводов я проработал четыре года. Один из руководителей «Госконцерта» меня «приметил» и пригласил на должность, как я её называл, «Владыки Мира». В моём ведении находились Япония, Австралия, Филиппины и Океания. Мне даже удалось две недели быть гостем президента Филиппин Маркоса! С Австралией мне не повезло, так как в 1979 году, когда я впервые оформился в эту страну, советские войска вступили в Афганистан, и Австралия прекратила с нами отношения. Во второй раз, когда я оформился, в марте 1983 года, над Сахалином был сбит южнокорейский самолёт.

ЖМ: А как с Японией?

БН: А с Японией было всё хорошо!

ЖМ: То есть вы туда ездили?

БН: Да, я ездил в Японию довольно часто. Если подвести итоги, то я был там 34 раза!

ЖМ: Когда состоялась ваша первая поездка в Японию? Какие впечатления она оставила?

БН: Это было в 1978 году, когда я работал в Центре Переводов (ВЦП). Тогда на мне ещё висело это «проклятие военного», за границу меня не выпускали! Потом это «проклятие» сняли, и я уже был готов поехать в Японию, но тут у нас из центра переводов один человек убежал за границу. И всему центру на целый год наложили «эмбарго на выезд». По работе я дружил с одной гражданкой, которая была референтом у нашего министра *Гвишиани*¹⁶. Я попросил у неё помощи, но она сказала, что этот запрет они снять не могут. И когда, наконец, сняли все запреты, я поехал в Японию. Тут приходит такая аналогия. Есть у *Василия Аксёнова*¹⁷ одна книжка – или «Затоваренная бочкотара», или «Апельсины из Марокко». Там у него был один герой – референт по латиноамериканской стране Халигалии, который знал в лицо всех граждан страны, но ни разу там не был – его туда не пускали. Примерно такая же ситуация была и у меня с Японией!

ЖМ: Вы всё о ней знали, но не могли туда добраться. Какие чувства вас охватили сразу после первого прибытия?

БН: Как будто я ступил на свою родную землю! Всё было именно так, как я себе и представлял! Некоторые японцы говорили, что я в большей степени японец, чем они сами. И мне это льстило.

ЖМ: Такое редко можно услышать от японцев!..

¹⁶ *Джермен Михайлович Гвишиани* (1928–2003). Советский и российский учёный, д.филол.н., профессор, академик АН СССР (1979). Специалист в области управления. В 1965–1985 гг. работал в Гос. комитете СМ СССР по науке и технике (ГКНТ СССР), был зам. председателя.

¹⁷ *Аксёнов Василий Павлович* (1932–2009). Писатель, драматург и сценарист, переводчик, педагог. С 1980 г. жил в США, где преподавал в ун-тах и работал радиожурналистом. В последние годы жизни жил во Франции. Помимо прозы и драматургии, писал сценарии к художественным фильмам. Автор заменитого романа «Остров Крым» (1979).

БН: Так я много лет проработал, а в 1985 году восстановились отношения с КНР. Меня это очень обрадовало, хотя в то время я любил Японию больше, вернуться к Китаю было приятно! В качестве первого коллектива туда поехал наш классический балет. Были только Пекин и Шанхай.

ЖМ: Но Китай 1985 года, это уже Китай эпохи «реформ и открытости».

БН: Это был уже совсем другой Китай!

ЖМ: Расскажите о своих впечатлениях от новой встречи 20 лет спустя!

БН: Пекин ещё мало изменился, а Шанхай уже был очень приятным городом! Хотя китайцы были тогда ещё довольно грустными. Потом я ещё раз съездил в Китай в 1987 году. Потом стал работать с китайцами, которые приезжали сюда. А затем прекратил своё существование Советский Союз и организация «Госконцерт» была ликвидирована.

ЖМ: И вы снова стали полностью свободным человеком?

БН: Да, но обо мне вспомнили мои японские друзья. И я, уже не помню сколько лет, проработал в Японии с советскими коллективами, но уже с японской стороны. Потом опять произошли какие-то перемены – мои друзья состарились, разорились. Ещё я помогал ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профсоюзов) направлять коллективы в Японию, за что потом он меня наградил – я стал ездить с разными коллективами по разным европейским странам.

ЖМ: Это уже с каким языком?

БН: Без всякого языка, просто как представитель ВЦСПС. А потом вообще всё кончилось, мне оставалось совсем немного до пенсии. Я был совсем безработным и совсем не пытался куда-либо устроиться. Но тут случайно меня встретил Р.М. Асланов (в те годы – замдиректора Института Дальнего Востока) и пригласил на работу. И с тех пор я, можно сказать, стал кем-то похожим на китаиста. А до того назвать меня «китаистом» было сложно.

ЖМ: Мы упустили из беседы ещё один «переводческий» момент... Вы ведь занимаетесь и синхронным переводом?

БН: Синхронным практически нет, весьма ограниченно. В кабинках я никогда не сидел. Впрочем, пару раз сидел. Правда, с готовым текстом.

ЖМ: Но ведь ваша преподавательская работа не ограничилась лишь ВИИЯ? Были же и другие вузы?

БН: Был РУДН (Российский Университет Дружбы Народов). Хотя я не собирался там работать долго, но проработал восемь лет.

ЖМ: Подозреваю, чем закончится сравнение, но всё же... Можете ли вы сравнить преподавание в ВИИЯ и в РУДН?

БН: В Военном всё было строже, организованнее и серьёзнее. В РУДН – тоже неплохо.

ЖМ: В РУДН вы преподавали на историко-филологическом факультете, то есть не только филологам, но также историкам и политологам?

БН: Кем бы они ни были – историками, филологами или философами, у них у всех было серьёзное отношение к языку, так как у них ожидался второй диплом – диплом переводчика.

ЖМ: Кто шёл учиться в РУДН в основном? Если в ВИИЯ в пору вашей работы учились дети генералов, то кто приходил учиться в 1990-х годах?

БН: То были самые разные, самые обычные люди. Какая-то часть была по направлению из республик.

ЖМ: А чем было продиктовано их желание изучать восточный язык?

БН: По-моему, в то время уже был интерес к Востоку, в частности к Китаю.

ЖМ: Интерес культурный, материальный?

БН: И тот, и другой был. Уже интерес к Китаю резко возрос. Многие просто Китаем интересовались, многие надеялись хорошо устроиться на работу. Ещё я преподавал в МГУ. С одной делегацией мы посетили факультет муниципального управления, и меня пригласили преподавать. По-моему, три семестра я там преподавал.

ЖМ: Если ваши первые студенты говорили, что системного преподавания не было, то какие изменения произошли к тому времени, когда вы вернулись к

преподаванию? Есть ли плюсы, есть ли до сих пор какие-то минусы и недоработки в этой области?

БН: В МГУ был факультатив, то есть всё на добровольных началах. В РУДН, мне кажется, в последнее время кафедра иностранных языков стала какой-то очень серьёзной. Там стали уделять серьёзное внимание преподаванию, дисциплина стала строже.

ЖМ: Насколько активно применяются новые методики, позволяющие обучать студентов с большим эффектом?

БН: Наверное, есть и новые методики, но я работал по старинке, по классике, по традиции.

ЖМ: Вернёмся к вашим поездкам в Китай! После 1985 года вы стали часто туда ездить?

БН: Нет, не часто. Раз в год, раз в два года. С такой же частотой сюда приезжали китайские коллективы, с которыми я работал.

ЖМ: Ваши поездки в Китай – это были в основном поездки с коллективами по культурной линии?

БН: Да. Была одна поездка с официальной делегацией – ветеранов, генералов. А когда уже пришёл работать в ИДВ, то всякие поездки были.

ЖМ: Расскажите, пожалуйста, о своих поездках времён работы в ИДВ!

БН: Сначала это был научный обмен. Ездили наши учёные, что-то рассказывали, нам рассказывали. В основном это были программы по знакомству со страной.

БН: Как это знакомство со страной изменило ваши ощущения, ваши чувства к Китаю, ваши представления об этой стране?

БН: Во-первых, нам показывали всё самое лучшее, в том числе специальные экономические зоны. Впечатление было глубочайшее! Потом туристические объекты нам тоже показывали.

БН: Вы ездили в качестве переводчика?

ЖМ: В качестве сопровождающего, скорее всего. Переводчики у нас были с китайской стороны.

ЖМ: Какие организации вас принимали?

БН: В основном это был Пекинский Административный Институт.

ЖМ: В чём состояли научные обмены? Вы общались с китайскими учёными?

БН: Собирались их учёные, задавали нам вопросы, о том, что происходит в России.

ЖМ: А что их интересовало? Из каких областей были эти учёные? С кем доводилось пообщаться?

БН: Их интересовало всё! Но в основном политика и экономика.

ЖМ: А вас что интересовало?

БН: Нас тоже интересовало всё, что связано с Китаем. И китайцы нам всё это рассказывали. Однажды я был в Китае с французским театром живых кукол. Весь коллектив был российский, но мы изображали французов, и я выступал в качестве конферансье. Я должен был говорить на плохом китайском языке с французским акцентом и именовался «капитаном космического корабля». Космический корабль прилетел на планету кукол.

ЖМ: А к чему такая сложность?

БН: Вот это какие-то организационные моменты! Вообще, я сначала должен был говорить текст по-французски, немного по-китайски. За день до отъезда мне дали три страницы текста на французском языке, который я никогда не учил!

ЖМ: Как раз и хотелось спросить, как вы, наряду с бирманским, китайским и японским, ещё и французский язык выучили?

БР: «Pardon», «merci» и «bonsoir» – вот и весь мой французский на сегодня. Ну, думаю, буду как-нибудь подглядывать! На премьере у меня был большой французский текст. Я вышел на сцену и начал говорить по-французски.

ЖМ: А в зале – все китайцы?

БН: Да! Я понял, что дело не пойдёт. Но как только я переключился на китайский – буря оваций! Импресарио понял, что французский не годится. По-французски я говорил только пару слов, а потом переходил на китайский.

ЖМ: Удалось ли вам работать с бирманским языком? По-моему, у вас есть даже какой-то словарь? И даже не один... О своей деятельности по составлению словарей вы нам ещё ничего не рассказывали...

БН: Бирманский словарь – это мой первый словарь. Тут ещё и преподаватель, который не хотел заниматься бирманским языком, дал мне свою часть словаря. При этом он даже не захотел, чтобы его фамилия упоминалась в числе авторов. Работая в Институте прудового рыболовства, я в свободное время делал этот словарь. У меня был тогда хороший бирманско-китайский словарь, из него я и делал бирманско-русский. Когда пришло время получать гонорар, мне сказали, что нужно представить справку о том, что составление бирманско-русского словаря не входит в план научной работы Института прудового рыболовства.

ЖМ: А кто был заказчиком этого словаря?

БН: Издательство «Восточная литература». Получился очень хороший словарь. Я единственный из авторов, кто остался в живых.

ЖМ: А кто ещё участвовал в его составлении?

БН: Я их не знаю. Мы учили бирманский язык по книге «Робинзон Крузо». Учебников никаких не было. И первую фразу, единственную, которую я запомнил, была «через несколько дней на море выпал туман». Это у меня было железно – спроси хоть днём, хоть ночью! Живых бирманцев я впервые встретил лишь когда «гонял» японскую делегацию из Находки в Хельсинки на фестиваль.

ЖМ: Какой это был год?

БН: 1962 год. Я спросил, бирманцы ли они. Обрадовался и сказал: «...через несколько дней на море выпал туман»!

ЖМ: Какова была реакция группы?

БН: Они пригласили меня в купе, угощали. В общем, было всё неплохо. Потом я очень долго не видел бирманцев. Однажды я был на сельскохозяйственных работах на Северном Кавказе, в Минводах. Сажусь в самолёт, а в самолёт входит бирманский ансамбль. Тогда у меня ещё были

знакомые из Госконцерта. Я с ними разговорился. Переводчиков с бирманского не было. Был один бирманский аспирант, который говорил по-русски. Через него всё общение и проходило. Когда мы взлетели, образовалась очередь в туалет, я стал с ними разговаривать. Но никакой реакции не последовало, Я тогда на них сильно обиделся и решил вычеркнуть эту страну из своей жизни вообще! Но не могу! Однажды зимой я ездил в Таиланд, очень хотел прорваться в Бирму, и разведывал, как это сделать.

ЖМ: А до этого ещё не бывали в Бирме?

БН: Нет¹⁸.

ЖМ: К какому языку вы больше привязаны, к японскому или к китайскому?

БН: Сначала для меня более близким и доступным был китайский язык. С него я начал. Потом меня захватила Япония

ЖМ: А как вас захватила Япония? Ведь не было японских студентов в Киеве на пляже, да и в Москве их было слишком мало!

БН: Японских студентов не было. Ничего не было японского, был только фильм «Волочаевские дни», где один японец выковыривал в избе котёл, поставил посреди деревни, вскипятил воду и принимал в этом котле ванну. Вот и всё впечатление о Японии, которое у меня было! Но почему-то меня Япония увлекла, завлекла, захватила!

ЖМ: Вы сами начали изучать японский?

БН: Да.

ЖМ: С изучения иероглифов?

БН: Да, у меня был учебник. Когда я приехал в Москву из Ташкента, уже в какой-то мере знал и японский.

ЖМ: А как вы осваивали японскую фонетику?

БН: Там фонетика очень простая. Она почти как русская.

ЖМ: Но у вас не было никого, кого можно было бы послушать!

БН: Не было. И записей тоже не было.

¹⁸ См. ответ на вопрос во второй части интервью (июль 2020 г.).

ЖМ: В общем, учили наугад!

БН: Да.

ЖМ: И всё же, с каким языком вам комфортнее работать?

БН: Конечно, с японским, как это ни странно звучит. Но теперь я его забываю, и Япония куда-то уходит, так сказать, в небытие. Китайский даже стал ближе.

ЖМ: А что вам ближе было в японском – фонетика или какая-то специфика языка?

БН: Во-первых, опять же, эстетика. Японский текст из трёх элементов – это очень красиво. На мой взгляд, самый красивый текст. Ну, а фонетика – это вообще музыка!

ЖМ: Когда вы учили китайский язык, вы изначально осваивали фонетику через общение с китайцами. Они говорили на диалекте или на «путунхуа»?

БН: Думаю, что они не говорили на чистом «путунхуа». Все они говорили со своими «присвистами», диалектами. Но поскольку я учился по правильному учебнику, то даже не представлял, что можно по-иному говорить. Но ещё интересно, что я никогда не обращал внимания на тоны. У нас в Ташкенте об этом вообще понятия не имели! Преподаватели были русские, репатрианты из Китая. Они знали китайский язык неплохо, но не были профессиональными преподавателями. Поэтому в МГУ я мучился, когда попал к Задоевко.

ЖМ: Там вас стали переучивать?

БН: Пытались, но безуспешно. Если я где-то правильно произношу тона, то это интуитивно. Я знаю, что слово «тай» третьим и четвёртым тоном имеют разные значения (покупать, продавать), а всё остальное – по ситуации.

ЖМ: У меня такой провокационный вопрос. Вам никогда не приходило в голову, что можно оставить китайский язык и заняться чем-нибудь другим?

БН: Нет.

ЖМ: Почему? Откуда такая верность китайскому языку?

БН: Вот такая привязанность! С детства, наверное.

ЖМ: Верность детским мечтам?

БН: Да, наверное, даже патологическая. А насчёт словарей, когда я ещё учился в МГУ, я с И.Д. Клениным сотрудничал в разных делах – помогал переписывать учебники ксилографическими чернилами для дальнейшей печати. Над словарём мы начали работать ещё тогда. А когда он решил издать свой русско-китайский словарь (у него уже был китайско-русский), там у меня была очень большая работа. И тогда же появилась идея карманного китайско-русского словаря, причём это был первый словарь на сокращённых иероглифах. Вот в чём была его необычность и новизна!

ЖМ: А вы учили сложные иероглифы?

БН: Да.

ЖМ: Как вы потом осваивали новые, сокращённые?

БН: Запросто! Без каких-либо проблем. Когда я начал изучать китайский, сокращённых иероглифов вообще не было. Это потом появились таблицы с упрощёнными иероглифами. В итоге был издан этот словарь. Как-то во время Международного конкурса имени П.И. Чайковского я встретил своего студента по фамилии Ткаченко. Он сказал, что очень долго меня разыскивал, но никак не мог найти. Оказалось, что у него есть американский друг, *Барлоу*¹⁹, который очень заинтересовался новой системой иероглифов в сокращённом варианте. И он решил издать этот словарь. Он взял полностью наш словарь и «приклеил» английский текст.

ЖМ: Этот американец владел русским языком?

БН: Да. И китайским. Он хотел получить наше разрешение на публикацию. Моего соавтора к тому времени уже не было в живых, поэтому я, не глядя, дал разрешению на публикацию. Издали его в Гавайском университете, он мне прислал потом 10 экземпляров. Через некоторое время всю Москву

¹⁹ *Барлоу Джон (Barlow John S., 1926–2008)*. Амер. учёный, спец. в обл. неврологии. В востоковед. кругах известен благодаря изданному им «Китайско-русско-английскому словарю» (1995). При составлении словаря использовал кит.-рус. словарь Б.Г. Мудрова. См. *Джон С. Барлоу. Китайско-русско-английский словарь*. 2003. 416 с.

заполнили такого рода словари издательства «Лань». Я очень долго разыскивал это издательство и, наконец, нашёл. Сначала они сказали, что ведь вы разрешили, на что я ответил, что разрешал Барлоу, но не вам. Они сказали, что их директор издательства такой аферист – он издал, собрал деньги и сбежал в Америку. Я спросил, а как мне поступать? Они сказали, что как-нибудь они мне это компенсируют – отдадут или часть тиража, или деньгами. Я не стал связываться с тиражом, а взял деньгами. Мне выплатили какую-то символическую сумму и взяли расписку о том, что я к ним больше не имею никаких претензий. После этого они ещё два или три раза его издавали.

ЖМ: Не секрет, что очень сложно освоить восточные языки без изучения важнейших аспектов культуры, истории и современного положения соответствующих стран.

БН: Да, конечно. Если честно, то, когда я начал изучать китайский язык, я хотел стать не китаистом, а «китайцем».

ЖМ: Это была детская мечта?

БН: Да! Потом я хотел стать «японцем». Китайцем я не стал, а вот японцем на некоторое время – да. А в результате, как был, так и остался советским человеком с российским паспортом.

ЖМ: А какими аспектами китайской истории, культуры, вы интересовались?

БН: Всеми. Ну, за исключением высокой материи, глубин философии, цигун, Дао, ушу, фэншуй и т.д.

ЖМ: Вы читаете всё, что попадается о Китае и Японии? По какому принципу отбираете книги для чтения?

БН: В моё время было всего три книги. В основном это были книги путешественника *В.К. Арсеньева*²⁰ о Дальнем Востоке. Там он касался и Китая, и Кореи, и Японии.

ЖМ: То есть выбор литературы была ограничен?

²⁰ *Арсеньев Владимир Клавдиевич* (1872–1930). Русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока, военный востоковед. Автор ряда книг о природе и жителях Дальнего Востока.

БН: Да. Только потом появилась целая волна литературы.

ЖМ: Как вы в этой волне выплываете?

БН: Я уже перестал «плавать».

ЖМ: Как это? Насколько мне известно, вы постоянно откладываете книжки, которые приходят в Институт Дальнего Востока. По какому принципу вы откладываете литературу?

БН: Я интересуюсь этнографией, нацменьшинствами, туризмом достопримечательностями.

ЖМ: А этнографией, нацменьшинствами – в основном китайских авторов?

БН: Да, но и наших авторов очень много.

ЖМ: Что можете сказать в общем о проблеме нацменьшинств в Китае?

БН: Мне кажется, что там неплохая национальная политика. Первое время, когда я был в Китае, у меня создалось впечатление, что понятного миру общекитайского искусства нет, и они выходят в мир только за счёт искусства нацменьшинств. Когда я общался с Игорем Моисеевым²¹ (очень долго), он мне рассказывал, что после образования КНР поехал в Китай и был удивлён, как при таком богатстве культуры такая бедность танцевального и песенного искусства. Многие китайские танцы поставил на сцене именно Игорь Моисеев, и они до сих пор идут в его постановке!

ЖМ: Он имел ввиду бедность именно ханьского танца?

БН: Да, именно ханьского танца.

ЖМ: То есть он сразу разделил – ханьский танец и другие...

БН: После образования КНР нацменьшинства всё ещё находились в тени. А потом уже начался их подъём...

ЖМ: В какой момент начался этот подъём?

БН: Когда я был в Китае в 1963 году, на всех мероприятиях 90% программы составляли выступления нацменьшинств.

²¹ *Моисеев Игорь Александрович* (1906–2007). Сов. и рос. артист балета, танцовщик, балетмейстер, хореограф, педагог, обществ. деятель. Нар. артист СССР (1953). Герой Соц. Труда (1976). Лауреат трёх Сталинских (1942, 1947, 1957), Ленинской (1967), Гос. премии СССР (1985) и Гос. премии РФ (1996). Кавалер трёх орденов Ленина (1958, 1976, 1986).

ЖМ: В чём, на ваш взгляд, заключаются положительные особенности программы поддержки нацменьшинств?

БН: Они в полной мере дают развиваться национальному искусству. Даже может где-то его искусственно развивают, кстати, чего нет для китайцев. Стали находить какие-то древние национальные инструменты, про которые никто не знал. Потом, всё-таки дают нацменьшинствам поддержку, чтобы им было легче адаптироваться к современной жизни. Их не заставляют учить родной язык («язык меньшинства»), хотя создали для многих нацменьшинств письменность. В тоже время, дают возможность овладеть всем китайским и интегрироваться в китайское общество. На мой взгляд, они не делают из них «национальный зоопарк». Если на туристических объектах есть национальные деревни, то там нормальные современные люди приходят, надевают одежды народностей «ли» или «мяо», потом переодеваются в нормальную одежду и уходят с работы.

ЖМ: В первую очередь это, наверное, провинция Юньнань.

БН: Да, Юньнань, Хайнань...

ЖМ: Как вам кажется, можем ли мы что-то позаимствовать из положительного опыта национальной политики КНР?

БН: Мне кажется, что уже поздно заимствовать. Мы свои малые народы загубили окончательно. Они тихо, спокойно вымирают. А в Китае, не знаю, как они определили 56 национальностей, но их число не меняется – не двигается ни в одну, ни в другую сторону.

ЖМ: В последние годы вы занимаетесь в ИДВ переводами. Много переводите, в особенности работы по этнографии, а также монографии, статьи китайских авторов на разные темы. Что в основном приходится переводить?

БН: В основном то, что нужно институту – политика, экономика, экология, демография. Я всегда выбираю экологию, демографию, по возможности.

ЖМ: Экологическая проблема стоит в Китае очень остро. Есть разные прогнозы – оптимистичные и пессимистичные. Как вам кажется, насколько

успешно решают в КНР вопросы экологии, насколько эффективны принимаемые меры?

БН: Меры принимают. Видно, что есть положительные результаты. Воздух в городах (я не говорю про многие), например, в Пекине, где раньше был сплошной смог, теперь стал нормальным. Есть у меня большие опасения по поводу воды, вода очень грязная по всему Китаю. Тем не менее в ней плавает рыба, её ловят и едят. Вообще страшно за экологию при таком населении, при таких темпах роста потребления. У меня есть опасения, что когда-нибудь Китай задохнётся в своих «отбросах».

ЖМ: Значит, у вас нет оптимистичной уверенности в том, что всё удастся решить в рамках ближайшей «пяtilетки»?

БН: Нет, полной уверенности нет.

ЖМ: Объективны ли, по вашему мнению, публикуемые китайские данные и исследования по экологии?

БН: Боюсь, что нет. Они выдают то, что хотят, а не то, что есть на самом деле.

ЖМ: А чьи исследования объективны?

БН: А я не знаю других. Если кто и занимается китайской экологией, то исключительно по китайским источникам. Пытаются что-то такое выделить, объективно. Но так, чтобы кто-то специально туда поехал, брал пробы... Такого, кажется, нет.

ЖМ: Вам приходится переводить статьи и монографии из области политики и экономики. Можете ли вы охарактеризовать общий современный уровень этих наук в Китае, выделить каких-то китайских исследователей?

БН: Даже не знаю, кого можно выделить специально. Вот, например, Ли Шэн-мин, который много, хорошо и оптимистично описывает Китай. А так китайские авторы пишут очень много, в том числе много всякой ерунды, искусственно наращивая объёмы своих трудов.

ЖМ: Есть что-то общее, что объединяет работы разных авторов? Может, методика исследования или какие-то проблемы, на которые они обращают больше внимания?

БН: Наверное, у них нет большого многообразия методик, так как страна централизована. Чтобы там не происходило, всё унифицируется.

ЖМ: Каким вы представляете развитие Китая в ближайшие годы или даже десятилетия? С какими проблемами столкнется страна? Удастся ли решить эти проблемы с большим или меньшим успехом?

БН: Главной проблемой будет обратный эффект от планирования рождаемости. Тут будет ряд проблем – старение населения, гендерная диспропорция, может быть, даже и нехватка рабочей силы. Негативный эффект будет воздействовать ещё много лет. Что касается развития промышленности, экологии, то это всё поправимо – и очистные сооружения, и методы регулирования, и т.д. В ближайшем будущем крах Китаю не угрожает!

ЖМ: Вы внесли свой вклад в подготовку специалистов-китаистов в нашей стране. На протяжении нескольких лет вы видели, кто и как становится китаистами. Как вам кажется, смогут ли молодые китаисты эффективно продолжать развитие отношений с Китаем?

БН: Смогут, но их немного. В основном сейчас приходят конъюнктурщики, которые надеются на этом хорошо заработать.

ЖМ: Что на ваш взгляд, можно сделать, чтобы в синологию приходили люди, более заинтересованные в эффективности политических и экономических связей с Китаем, в поддержании диалога между двумя странами?

БН: Во-первых, должен быть всесторонний интерес к Китаю.

ЖМ: Но как его можно поддержать, развить? Может ли что-то сделать китайская сторона, чего сейчас не делает?

БН: Китайская сторона делает очень многое, чтобы вызвать интерес к Китаю.

ЖМ: А почему нет ожидаемого эффекта?

БН: Потому что Запад есть Запад, а Восток есть Восток. Как бы мы того ни хотели, полностью воспринимающих Китай людей очень мало. Большинство, всё равно, смотрят на Запад.

ЖМ: Может ли это сказаться негативно на отношениях между двумя странами?

БН: Может, особенно если наши руководители отвернутся в другую сторону. Тогда всё может очень быстро испортиться!

ЖМ: Большое вам спасибо за интервью!

БН: Пожалуйста!

Вторая часть интервью.

Москва, 7 июля 2020 г. Интервьюер: В.Ц. Головачёв

ВГ: Позвольте вернуться к трудному вопросу самоидентификации. Кем вы всё же себя считаете? Востоковедом, китаистом или японистом?

БН: Востоковедом широкого профиля (с тенденцией к дилетантству).

ВГ: Ваши точные дата и место рождения?

БН: 1 августа 1937 года, город Житомир. В те далекие времена это была Украинская Советская Социалистическая республика (УССР).

ВГ: Как звали ваших родителей? Есть ли у вас братья и сестры?

БН: Отца звали Надточенко Яков Василевич, он был военным. Маму звали Вера Николаевна Надточенко (Миронова). Она была по специальности юристом. Единственная сестра Рената Яковлевна Сахарная – специалист лёгкой промышленности.

ВГ: Как зовут ваших детей? Они не пошли по вашим востоковедным стопам?

БН: Единственная дочь Беата-Мария пошла не на Восток, а в противоположном направлении, то есть на Запад – в настоящий момент преподаёт английский язык русским школьникам. А русский – японцам и корейцам. Внучки два-три года изучали китайский в РУДН, но не выдержали и поменяли специальность. Правда, судьба всё же свела их с Китаем, и они около пяти лет работали в компании Китайские Бизнес Технологии. Сейчас постоянно журят деда и мать за то, что не настояли продолжать изучение китайского.

ВГ: В 1958 году Киевская киностудия выпустила знаменитый фильм «Чрезвычайное происшествие». Слышали ли вы тогда про съёмки? Видели ли этот фильм тогда в Киеве? Какие были впечатления?

БН: Я не только слышал про съёмки, но и был знаком со всеми китайскими девушками, которые каким-либо образом были связаны с фильмом. Фильм посмотрел через несколько лет, он очень хороший, с захватывающим сюжетом. Внучки с удовольствием посмотрели недавно.

ВГ: Знакомы ли вы с китайской книгой «Прудовое рыбоводство», которую переводил в конце 1950-х годов на русский язык наш коллега Г.В. Мелихов?

БН: Хотя был тесно связан с темой рыбоводства в какой-то момент своей жизни, с этой книгой не знаком.

ВГ: Водили ли вы знакомство с *А.Р. Вяткиным*²²? Какие у вас были отношения?

БН: В ИСАА я какое-то время преподавал Анатолию, сыну китаиста *Рудольфа Вяткина*²³, бирманский язык. Иногда он об этом вспоминает.

ВГ: Кто был вашим любимым преподавателем в ИВЯ?

БН: Их было несколько таких: *Евдокия Ивановна Рождественская*²⁴, *Михаил Кузьмич Румянцев*²⁵, *Алексей Петрович Рогачёв*²⁶, не могу не упомянуть *Воскресенского Дмитрия Николаевича*²⁷.

²² *Вяткин Анатолий Рудольфович* (1946–2015). Востоковед, к.и.н. (1978). Окончил ИВЯ при МГУ (1970). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1970). Главред журнала «Диаспоры» (с 2001). Специалист по истории Бирмы, стран Юго-восточной Азии и Китая. Сын Р.В. Вяткина.

²³ *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910–1995). Китаевед, к.и.н. Доктор Honoris Causa. Окончил ДВГУ (1939). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939–1956). Сотрудник ИК (1956–1958) и ИВ (с 1958), завотделом Китая ИВ АН СССР (1960–1967). Иссл. ист. мысли в Китае. Впервые перевёл на рус. яз. с коммент. большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 г. перевод и полное издание всего труда завершены сыном и учениками Р.В. Вяткина).

²⁴ *Рождественская (Молчанова) Евдокия Ивановна* (1922–2014). Китаевед, преподаватель, переводчик. К.ф.н. (1963), доцент (1974). Окончила МИВ (1947). Преподавала в МИВ (1947–1948, 1950–1954), ИВЯ/ИСАА МГУ (1956–1986).

²⁵ *Румянцев Михаил Кузьмич* (1922–2010). Китаевед, д.ф.н. (1968), профессор (1970). Засл. профессор МГУ (1998). Окончил МИВ (1951). Сotr. ИВ АН СССР (1955–1960), преподаватель МГИМО МИД СССР (1954–1955), ИВЯ/ИСАА МГУ (с 1960). Завкафедрой кит. филол. ИСАА МГУ (1970–1992).

ВГ: Чем больше всего запомнился каждый из них?

БН: У Евдокии, которую мы любя называли Дуся, все уроки были уникальными, не похожими друг на друга. Михаил Кузьмич постоянно говорил про «микро и макро» – при изучении китайского языка нужно безгранично расширять горизонты кругозора, но, с другой стороны – быть предельно внимательным к деталям. Алексей Петрович Рогачёв выходил за «сухие» рамки работы над текстами – давал нам прочувствовать национальный колорит слога, специфики общения с людьми из разных социальных прослоек, толковал символику имён. Все преподаватели нас предупреждали – добросовестное изучение китайского – это очень трудоёмкий процесс, и очень неблагодарный: сравним с движением к вершине горы, которая скрывается в облаках. Её не видно сквозь окутывающий туман, добраться до неё иностранцу практически невозможно.

ВГ: Какой работой вы занимались в ИДВ и что удалось сделать за годы после записи первой части интервью, то есть после 2012 года?

БН: Все двадцать пять лет я занимался переводами, обзорами, документами для международного отдела. Много выезжал и работал с российскими и китайскими делегациями. К счастью или сожалению, на научную работу времени не оставалось.

ВГ: Работаете ли вы в настоящий момент в ИДВ? Какой работой занимаетесь?

БН: Да, работаю и являюсь членом редколлегии электронного журнала «Восточная Азия».

²⁶ *Рогачёв Алексей Петрович* (1900–1981). Китаевед, дипломат, литературовед, к.ф.н. (1951), профессор (1962). Переводчик кит. романов «Речные заводы» и «Путешествие на Запад». Окончил МИВ (1928). Сотр. генконсульства СССР в Урумчи (1928–1934) и генконсульства СССР в Харбине (1936–1939). Преподавал в МИВ (1940–1948), ВДШ МИД СССР (с 1944), истфака МГУ (с 1939). Завкафедрой кит. филол. в ИВЯ/ИСАА МГУ (1956–1981).

²⁷ *Воскресенский Дмитрий Николаевич* (1926–2017). Китаевед, литературовед, переводчик. К.ф.н. (1963), доцент ИСАА МГУ, Засл. Препод. МГУ (1999), профессор Лит. ин-та им. А.М. Горького, член Союза Писателей (с 1982). Окончил ВИИЯ (1950). Аспирант филфака Пекинского ун-та (1956–1959). Сотр. ИК АН СССР (1959–1960), ИДВ АН СССР (1967–1971). Преподавал в ВИИЯ, ИВЯ/ИСАА МГУ (с 1960), ВДШ и Дип. Академии МИД РФ.

ВГ: Что вы считаете своим главным профессиональным достижением или вкладом в китаистику или востоковедение?

БН: Несколько составленных мною словарей и учебно-методических пособий для студентов ВИИЯ. Кроме того, мой «скромный» вклад в дело артистического обмена между СССР, Китаем и Японией, организация гастролей (штатно и внештатно) в течение сорока лет.

ВГ: Были ли профессиональные неудачи, о которых сожалеете?

БН: Неудач, достойных сожаления, не припоминаю.

ВГ: Удалось ли побывать за минувшие годы в Бирме?

БН: Никогда не оставлял надежды продолжить изучение бирманского языка! Моей единственной целью было удостовериться, что на этом языке можно говорить. Но моя последняя надежда умерла в этом году, когда мой племянник Сергей, совершая кругосветное путешествие, включающее Бирму, не удосужился вспомнить обо мне.

ВГ: Как вы относитесь к китайской и японской кухне? Какую предпочитаете?

БН: Китайская кухня слишком изысканная, поэтому я предпочитаю китайские блюда для особых случаев. Японская кухня, как и всё японское, значительно проще и подходит как пища на каждый день.

ВГ: Значит, по пищевым привычкам и предпочтениям вы всё же японец! В чём секрет успеха в изучении языков и освоении специальности востоковеда?

БН: В любви и уважении к культуре и истории изучаемых стран, в упорстве и усидчивости, в отличие от подходов к изучению европейских языков.

ВГ: Ваши пожелания и напутствия молодым китаеведам и востоковедам?

БН: Желая им успехов в овладении навыками научной работы и исследовательской деятельности, жить современностью, уделять больше внимания иероглифам и не забывать о традициях!

ВГ: Спасибо за ваше интересное интервью!